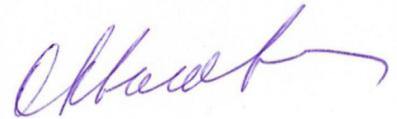

На правах рукописи

КВАСОВА ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва - 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: **Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович** – доктор психологических наук; заведующий кафедрой экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии ФГБОУ ВПО «МГУ имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты: **Марцинковская Татьяна Давидовна** – доктор психологических наук, профессор; заведующий лабораторией психологии подростка ФГНУ «Психологический институт» РАО

Чумакова Мария Алексеевна – кандидат психологических наук; доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета психологического консультирования ГБОУ ВПО г. Москвы МГППУ

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Защита состоится 22 марта 2013 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.14 в ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 125009, г. Москва, улица Моховая, дом 11, строение 9, аудитория 215.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Ломоносовский просп., 27)

Автореферат разослан 19 февраля 2013 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 501.001.14,
доктор психологических наук

М.Ш. Магомед-Эминов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность настоящего исследования определяется, прежде всего, теоретическими и методологическими вызовами, предъявляемыми психологической науке парадигмальной трансформацией современной научной рациональности и трансформацией самого социокультурного бытия современного человека, описываемыми и объясняемыми, чаще всего, с привлечением понятий нестабильности, неустойчивости, неравновесности, динамики, трансформации. Более того, в современной психологии в настоящее время отмечается парадигмальный сдвиг от структурно-морфологической к динамической трактовке психической деятельности человека, что неминуемо требует пересмотра существующих представлений о временной перспективе через призму современных научных неклассических, в том числе, постнеклассических подходов (А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, М.Ш. Магомед-Эминов, Т.Д. Марцинковская, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, Ю.К. Стрелков и др.). Все перечисленные, а также множество других динамических явлений и понятий требуют обращения к понятию и феномену времени для своего определения и существования. Наиболее полно и ясно они раскрываются в критических, предельных, в широком смысле – экстремальных, ситуациях. Оба аспекта делают актуальным изучение трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации, а не понимание её как чего-то неизменного. Проблема трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации не может считаться достаточно изученной, к тому же, этот вопрос не являлся непосредственным предметом психологического исследования. Действительно, либо временная перспектива рассматривается в психологической литературе как косвенный фактор при изучении кризисных ситуаций; либо, наоборот, при исследовании времени, делаются побочные выводы о влиянии экстремальности на его восприятие и оценку. Временная перспектива может стать одним из понятий, вносящих весомый вклад в общепсихологическое понимание психологической динамики личности в критических, предельных ситуациях.

Между тем, на фоне высокой научной значимости проблемы, само понятие временной перспективы остаётся весьма неоднозначным, неопределённым, фрагментарным. Временная перспектива понимается на основе: включения будущего и прошлого жизни в контекст настоящего и их существования в настоящем (К. Lewin, Б.В. Зейгарник); взаимосвязи и взаимного обуславливания прошлого, настоящего и будущего в сознании человека (L.K. Frank); последовательности событий с определёнными интервалами между ними, представленными в сознании человека в конкретный момент времени (J. Nuttin); временного кругозора личности (P. Fraisse); временного поля действия (Л.С. Выготский); временного измерения образа мира (А.Н. Леонтьев); целестремительности (П.Я. Гальперин); хронотопа (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, Д.И. Фельдштейн, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых); субъективной картины жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник, Е.И. Головаха); образа потребного будущего, вероятностного прогнозирования (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг); целенаправленности (В.К. Вилюнас); антиципации (В. Вундт, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков); опережающего отражения (П.К. Анохин); способности моделировать будущее (Н.А. Бернштейн); целевой детерминации мотивации (А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу); способности личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдалённых будущих событий (T.J. Cottle, S.L. Klineberg); жизненной линии или жизненного пути (Life-spine) (P. Baltes); трансспективы (В.И. Ковалёв); пространственно-временного континуума внутренней организации времени (Т.Н. Березина); временной компетентности, организации времени, тайм-менеджмента (А.К. Болотова); позиции по отношению к своему времени (Д.А. Леонтьев); конструирования временного гештальта в темпоральной работе личности (М.Ш. Магомед-Эминов); временной формы (Ю.К. Стрелков). Из этого вытекает актуальная задача формулировки более чёткого и целостного определения временной перспективы, и такой концептуализации, которая способна быть инструментом изучения её собственной трансформации в предельных ситуациях.

Помимо терминологической, в понимании временной перспективы существует концептуальная проблема, требующая разработки интегративного подхода. Действительно, в научной литературе, с одной стороны, временная перспектива трактуется как абстрактная, бессодержательная временная форма, складывающаяся из трёх, тоже «пустых», временных форм (прошлого, настоящего, будущего); с другой стороны, временная перспектива понимается сугубо содержательно как способность распределять жизненные события в определённом порядке и хронологии.

Для поиска путей решения перечисленных проблем мы основываемся на культурно-деятельностной методологии и деятельностно-смысловой теории, следуя которым, принимаем за основание временной перспективы смысловую интенциональность жизненного мира личности. Особое значение при этом имеют две фундаментальные формы смысловой интенциональности, которые связаны с L- и D-смысловыми образованиями личности и направлены на решение человеком предельных «задач на жизнь» и «задач на смерть» в повседневном и неповседневном жизненных мирах (Magomed-Eminov, 1997). Согласно этой идее, мы выдвигаем основное положение, на котором строится настоящее исследование: смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуально-специфическую динамику временного опыта личности.

Целью работы является выявление закономерностей трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации, конституированной предельными смысловыми структурами жизненного мира.

Объектом исследования является способность человека структурировать временной опыт, выражающаяся в переживании и поведении в различных жизненных ситуациях.

Предметом исследования является трансформация временной перспективы личности – работы по реконструированию прошлого, актуализации настоящего и конструированию будущего – в экстремальной ситуации, являющейся ситуацией со специфической организацией смысловой структуры жизненного мира.

Гипотезы исследования:

1. Смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуальную динамику временного опыта.

2. Смысловая интенциональность оказывает специфическое влияние на переживание длительности временной перспективы.

3. В экстремальной ситуации временная перспектива диссоциируется, она конституируется двумя фундаментальными смысловыми структурами: L-смысловыми структурами жизненного мира и D-смысловыми структурами жизненного мира.

4. Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации имеет две основные формы: негативную, подразумевающую редукцию структуры временной перспективы, и позитивную – конструирование полной, объёмной структуры временной перспективы.

В соответствии с целью исследования, поставлены следующие **задачи**:

1. Провести научный анализ современного состояния проблемы временной перспективы личности, создать систематизацию теоретических представлений и экспериментальных исследований в этой области, выявить специфику данной проблемы применительно к экстремальным ситуациям.

2. Провести терминологический, этимологический и понятийный анализ временной перспективы личности в экстремальной ситуации. Выделить важные признаки для ее определения и эмпирические признаки для операционализации.

3. Оценить возможность применения исследовательских процедур и методических приёмов для изучения трансформации временной перспективы личности в экстремальных ситуациях.

4. Провести комплексное эмпирическое исследование характера и способов смыслового опосредствования трансформации временной перспективы личности в различных экстремальных ситуациях.

5. Экспериментально проверить влияние смысловой интенциональности личности на переживание длительности времени, на временную структуру, временную ориентацию, временную направленность и динамику переживания времени.

Теоретико-методологическую основу работы составляют принципы культурно-исторической (Л.С. Выготский) и деятельностной (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) психологии – культурно-деятельностной методологии и теории; деятельностно-смысловой подход как динамическая парадигма в культурно-деятельностной психологии (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, М.Ш. Магомед-Эминов, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, Ю.К. Стрелков и др.).

Методы исследования. В эмпирической части работы применялись методы идиографического и номотетического подходов, качественные методы – полуструктурированное интервью, включённое наблюдение, самоотчёты испытуемых, контент-анализ, экспертная оценка, анализ литературных источников и др. Использовались стандартизованные опросники: 1) тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 2) опросник посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Колхауна (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 3) опросник для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо (P. Zimbardo, J. Boyd, А. Сырцова, О.В. Митина); 4) модифицированный вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 5) метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (в модификации И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич); 6) шкала переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи. Для статистической обработки полученных результатов применялась программа SPSS версии 19.0.

Надежность и достоверность результатов обеспечены теоретической и методологической обоснованностью работы; наличием достаточно представительной выборки испытуемых (668 человек); количественным и качественным анализом полученных данных с использованием современных статистических процедур; применением взаимодополняющих методов исследования, адекватных цели и задачам работы.

Научная новизна исследования. Разработана неклассическая модель временной перспективы, в которой за основополагающее понятие принимается

смысловая интенциональность личности, позволяющая рассматривать временную перспективу как единство реконструирования прошлого, актуализации настоящего и конструирования будущего. В работе впервые показано специфическое влияние смысловой интенциональности на оценку временной длительности, что позволяет трактовать временную перспективу не как застывшую, стабильную форму, а как динамическое образование, трансформирующееся в процессе изменения смысловой структуры жизненного мира. Полученные результаты обосновывают нелинейное строение временной перспективы. В экстремальной ситуации временная перспектива конституируется в двух планах – как континуальная перспектива (связана с L-смыслами) и как дискретная перспектива (связана с D-смыслами). Выявлены закономерности трансформации временной перспективы: во-первых, ключевая характеристика временной перспективы – переживание длительности, опосредствуется скорее не пространственными, а смысловыми параметрами жизненной ситуации; во-вторых, полнота структуры времени задаётся не столько конкретными предметными характеристиками – целями, мотивационными объектами, предметным содержанием ситуации, сколько базисными смысловыми образующими; в-третьих, посттравматический рост личности характеризуется сбалансированностью временной перспективы по её модусам, структуре и содержанию.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты исследования позволяют выявить основополагающее значение смысловой интенциональности в организации временной перспективы личности, что, в свою очередь, расширяет понимание динамики личности. Предлагается один из возможных путей решения проблемы связи временной формы и содержания жизненного опыта посредством смыслового опосредствования культурно обусловленной временной формы и индивидуально-специфического жизненного опыта. Предложенная смысловая модель временной перспективы не только позволяет систематизировать различные представления о временной перспективе, но и вносит вклад в

темпоральную трактовку структуры личности. Традиционное понимание трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации как деформации пересматривается с альтернативной точки зрения – конструирования временной перспективы через призму адаптации, развития, роста личности, что вносит вклад в развитие позитивной психологии человека.

Практическая значимость работы. Материалы проведенных в работе исследований использовались в разработке учебно-методических программ психологов по специализациям «Экстремальная психология и психологическая помощь» и «Психология служебной деятельности». Настоящее исследование обладает высокой практической значимостью для разработки эффективных методов психологической работы в области тайм-менеджмента и оказания психологической помощи людям в экстремальной ситуации. Полученные результаты, основные выводы исследования применяются при создании психологических программ помощи людям, пострадавшим в ситуациях бедствий, катастроф, жизненных кризисов, в том числе, они были апробированы в работе Психологической службы Союза ветеранов Афганистана, Союза Комитетов солдатских матерей, Психоаналитической Ассоциации РФ, в деятельности Комиссии по проблемам современных кризисных состояний культуры Научного Совета РАН «История мировой культуры».

Положения, выносимые на защиту:

1. Более полное понимание и объяснение временной перспективы в психологии возможно при принятии за основополагающее понятие временной перспективы смысловой интенциональности личности, которая определяет характер процессов реконструирования прошлого опыта, актуализации настоящего опыта и конструирования будущего опыта.

2. Временная перспектива конституируется, во-первых, временными направленностями (на прошлое, настоящее и будущее); во-вторых, временной структурой как синтетическим единством временных направленностей (ориентаций); в-третьих, конструктивной темпоральной работой личности по конструированию структуры (формы) временной

перспективы¹; в-четвёртых, континуальной длительностью и сукцессивностью временной структуры; в-пятых, смысловой интенциональностью.

3. На переживание длительности временной перспективы оказывает специфическое влияние динамика смысловой интенциональности. Зависимость сдвига оценки временной длительности может быть пересмотрена с точки зрения трансформации смысловой интенциональности, выражающейся в мере возможностей, открывающихся субъекту в жизненной ситуации.

4. Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается, она становится двунаправленной. Временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется на основе двух фундаментальных форм смысловой интенциональности: со стороны континуальной перспективы (связана с L-смысловыми структурами жизненного мира), и со стороны дискретной перспективы (связана с D-смысловыми структурами жизненного мира).

5. Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации имеет два плана: с одной стороны, негативный, подразумевающий редукцию структуры временной перспективы; с другой стороны, позитивный – конструирование полной, целостной структуры временной перспективы (временного гештальта).

Апробация работы. Результаты исследований обсуждались на кафедре экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (2004-2012); представлялись на III, IV и V съездах РПО (2002, 2009, 2012 гг.); на Ломоносовских чтениях (2007, 2010, 2012); на секции «Психология безопасности» юбилейной конференции «Психология перед вызовом будущего» в МГУ имени М.В. Ломоносова (2006); на научно-практических конференциях по психологии (2004-2012); на методологическом семинаре «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» (Москва, факультет

¹ В концепции работы личности (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007 и др.) различаются работа личности и деятельность субъекта, личностные действия и действия субъекта. Акты работы личности, т.е. личностные действия, обладают специфической экзистенциальной предметностью – направленностью на решение задач на смысл, занятие позиции, осуществление поступка, заботу о себе и о Другом, осуществление собственного совместного бытия с другими, конституирование идентичности, конституирование временной структуры и др.

психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (2009-2012)); на XII-ом Европейском Психологическом конгрессе (Стамбул, Турция, 2011); на XXX-ом Международном Психологическом конгрессе (Кейптаун, ЮАР, 2012) и др. Материалы диссертации использовались при создании учебно-методических комплексов при разработке специализации новой специальности «Психология служебной деятельности» и компетентностного подхода к профессиональной подготовке специалиста-психолога на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова по специализации «Экстремальная психология и психологическая помощь».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения и списка литературы, состоящего из 370 источников, 110 из которых на иностранном языке, 8 приложений. Работа содержит 2 рисунка, 10 таблиц. Общий объем основного текста диссертационной работы составляет 170 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность исследования; определяются его цель, задачи, объект и предмет; выдвигаются гипотезы; описываются методы исследования; раскрывается его научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации» посвящена психологическому анализу и систематизации различных подходов к изучению временной перспективы личности, постановке проблемы исследования, а также определению понятия временной перспективы.

В параграфе 1.1. «Терминологический, этимологический и понятийный анализ временной перспективы и её систематизация» на основе терминологического и понятийного анализа временной перспективы делается предварительный вывод о многозначности термина и отсутствии общепринятого его понимания и концептуализации. Показывается, что, несмотря на отмеченные

различия, в рассмотренных определениях содержится сходный момент – все они предполагают обращение к феномену времени, которое принимается как само собой разумеющееся понятие без какого-либо определения. Обосновывается, что в наиболее широком значении временная перспектива – это структуризация процессов жизнедеятельности субъекта, конституирующая определённую длительность процессов, их порядок и дистантность.

Далее в целях поиска оснований для систематизации представлений о временной перспективе проводится более широкий философский, метапсихологический анализ развития представлений о времени (Парменид, Архимед, Гераклит, Платон, Аристотель, Плотин, Св. Августин, И. Ньютон, А. Эйнштейн, А. Бергсон, И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер). На основе метапсихологического анализа понятия времени, делается общий вывод о противопоставлении понимания времени в общенаучном дискурсе, с одной стороны, как количественно-дискретного феномена, а с другой стороны, как качественно-континуального феномена. Оба понимания, рассмотренные вместе, принимаются за основу систематизации психологических представлений о времени и временной перспективе. Ещё два аспекта систематизации, связанные с первым, заключаются в следующем: во-первых, в экстремальной ситуации временная перспектива деформируется, что соответствует традиционной точке зрения; во-вторых, временная перспектива конкретизируется с точки зрения смысловой интенциональности в практике жизни. Основываясь на этих критериях, предлагается следующая классификация психологических представлений о времени: количественно-дискретные подходы; количественно-пространственные подходы; качественные подходы; рассмотрение временной перспективы в связи с экстремальностью; культурно-деятельностный подход.

В параграфе 1.2. «Количественно-дискретные подходы к исследованию времени» проводится анализ становления представлений о времени в психологии. Приводится подробный теоретический обзор концепций времени в рамках количественно-дискретных подходов, где время понималось с точки зрения таких характеристик, как длительность и последовательность: экспериментальная психология (В. Вундт), психофизика, изучение времени

реакции, психофизиологические исследования (Г. Фехнер, Ф. Дондерс, Г. Гельмгольц, Р. Вудвортс, Р.Б. Кеттелл, Г. Вудроу), дифференциальная психология (Ф. Гальтон), «регулирование движений чувствованием» (И.М. Сеченов), «чувство времени» (С.Г. Геллерштейн), «чувство усилия» и сознание времени (К.Д. Ушинский), формирование условного рефлекса на время (И.П. Павлов), восприятие времени из опыта (В.М. Бехтерев), ощущение времени (С.Л. Рубинштейн), восприятие длительности и последовательности (П. Фресс), время с точки зрения чувства ритма (Б.М. Теплов), разделение непосредственного и опосредствованного восприятия времени (Д.Г. Элькин), субъективный образ длительности (Б.И. Цуканов), субъективная оценка временных интервалов (Н. Ноагланд), зависимость восприятия времени от содержания (R.E. Ornstein), изучение временных интервалов, заполненных стимулами (L.M. Gomez & L.C. Robertson, H.R. Shiffman, D.J. Bobko), зависимость восприятия времени от центра внимания (R.A. Block, A.B. Kristofferson, J.A. Michon, E.A.C. Thomas & W.B. Weaver), зависимость восприятия времени от объектов (D.J. Bobko).

В параграфе 1.3. «Количественно-пространственные подходы к изучению времени» прослеживается традиция исследования хронотопа: представления о пространстве и времени в произведении искусства (М.М. Бахтин), пространственно-временные гештальты (Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов), образ мира (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов), чувственный образ как хронотоп, «три цвета времени» (В.П. Зинченко), когнитивные карты (Дж. Брунер, У. Найссер), временные темпоральные типы (Б.И. Цуканов), спаянное единство пространства и времени (А.А. Ухтомский), эмпирическая относительность пространства и времени (A.J. DeLong).

Параграф 1.4. «Теоретический обзор качественных концепций временной перспективы личности» включает шесть разделов. В разделе 1.4.1 рассматривается круг терминов и феноменов, исторически сложившихся вокруг понятия временной перспективы: соотношение оценки продолжительности временного интервала и его наполненности впечатлениями (У. Джемс); включение будущего и прошлого жизни в контекст настоящего (К. Левин),

взаимосвязь будущего, прошлого и настоящего как культурно обусловленная целостность (Л.К. Франк); наличие во внутреннем плане разноудаленных объектов-целей, «мотивационных объектов» (Ж. Нюттен). В разделе **1.4.2** анализируется понятие временной перспективы как перспективы будущего в исследованиях мотивационных подходов: временная перспектива будущего (В. Ленс), «ориентация на будущее» (Т. Гисме), личное будущее (З. Залески), мотивационные аспекты временной перспективы (Г. Олпорт, А. Адлер, А. Маслоу, Д.О. Рейнор, М.Ш. Магомед-Эминов, Е.Ю. Мандрикова). **Раздел 1.4.3** посвящен рассмотрению временной перспективы с точки зрения биографического подхода: биографические исследования жизненного пути личности (С.Л. Рубинштейн), событийный подход (Б.Г. Ананьев, А.А. Кроник, Н.А. Логинова), каузометрия (Е.И. Головаха и А.А. Кроник), самореализация, самоосуществление человека в мире и реализация мира через человека в его жизнедеятельности (Т.Д. Марцинковская). В **разделе 1.4.4** приведён анализ концепции жизненного пути как временной перспективы (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина). **Раздел 1.4.5** посвящен теоретическому обзору исследований временной перспективы личности в онтогенезе (П. Жанэ, Ш. Бюлер, Б.Г. Ананьев, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, П.П. Блонский, Е.А. Сергиенко, А.К. Болотова): гетерохронность биологического, социального и психологического развития (Л.И. Анцыферова), развитие в контексте психологического и исторического времени (П. Жанэ), развитие в контексте биологического и психологического времени (Ш. Бюлер), специфический способ запоминания, «временная связь» (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов), формирование временной перспективы будущего у подростков (Л.И. Божович), синтез психологического времени и психологического пространства (Н.Н. Толстых), развитие с точки зрения жизненной линии (П. Балтес). Рассматривается изучение временной перспективы в исследованиях идентичности личности (У. Джемс, Ж. Нюттен): желание обретения позитивной социальной идентичности (Г. Тэджфел, Дж. Тэрнер), временное измерение идентичности (Г. Брейкуэлл), потенциальные, возможные «Я» (Х. Маркус,

П. Нуриус), Я как Другой (Е. Pronin, L. Ross), психологическое время как звено структуры самосознания личности (В.С. Мухина). В разделе **1.4.6** представлен анализ изучения временной перспективы в аспекте индивидуальных особенностей личности: индивидуальные различия в оценке времени (Л. Дуб), зависимость временной перспективы от типов личности (В.И. Ковалёв, Л.Ю. Кублицкене, В.Ф. Серенкова, К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина), образные репрезентации времени (Н.Ю. Григоровская), отношение к времени (В.Э. Чудновский), отношение к прошлому, настоящему и будущему у людей с отклоняющимся поведением (В.С. Хомик, А.А. Кроник, Ю.А. Васильева), формы культурной патологии в контроле времени человеком (А.Ш. Тхостов, Е.Ю. Балашова, К.Г. Сурнов, В.М. Алахвердов), сбалансированная временная перспектива (Ф. Зимбардо, А. Сырцова).

В параграфе 1.5. «Временная перспектива и экстремальность» временная перспектива рассматривается в контексте экстремальности и трансформации в экстремальной ситуации: различия в оценке временных интервалов, заполненных негативными или позитивными событиями (У. Джемс, Д.Г. Элькин), темпоральные аспекты экстремальных событий (Н.В. Тарабрина, Л.Н. Юрьева), различные феномены искажения времени в экстремальных ситуациях (Ю.К. Стрелков, Т.Н. Березина, Г.Ю. Фоменко, В.С. Хомик, А.А. Кроник, Н.В. Тарабрина, О.Н. Арестова, А.Н. Славская), перитравматическая диссоциация (Е.А Миско, Н.В. Тарабрина), вспышки воспоминаний (Е.В. Foa, С.Р. Brewin, Т. Dalgleish, В.А. van der Kolk, О. Van der Hart, R. Brown, J. Kulik), воспроизведение переживания травматического события (З. Фрейд), сужение временной перспективы (А.К. Болотова), депривация ценностного отношения к прошлому, настоящему и будущему (В.С. Мухина), временная парадигма переживания критических ситуаций (Ф.Е. Василюк), влияние изменений временной перспективы на концепцию собственного будущего (С.В. Горбатов, Б.Д. Лыськов), деформация картины жизни (Л.Н. Юрьева), негибкость жизненной программы инвалидов (Р.А. Ахмеров), типы жизненных стратегий

(А.А. Баканова), сокращение и неопределённость временной перспективы (К. Муздыбаев), переживание времени в экстремальной ситуации (М.Ш. Магомед-Эминов), концепция жизнестойкости (С. Мадди), временная перспектива как визуальная перспектива (R.B. Sanitioso, G. Mazzoni, M. Vannucci), отношение к будущему и прошлому (I.R. Newby-Clark, M. Ross), восприятие времени как функция временной перспективы (C.N. DeWall, P.S. Visser), «исправление» истории жизни (Y. Danieli), воспроизводство аффективных переживаний (Й. Брейер, З. Фрейд), страх смерти как характеристика оценки времени жизни (Р. Кастенбаум).

В параграфе 1.6. «Культурно-деятельностный подход к проблеме времени» рассматривается культурно-деятельностный подход, в котором проблема времени раскрывается не с точки зрения статически-пространственных представлений, а на основе процессуально-динамической парадигмы осуществления жизнедеятельности человека. При этом время как длительность анализируется в связи с выполнением деятельности, временной формой (Ю.К. Стрелков). М.Ш. Магомед-Эминов, различая в психологическом дискурсе темпоральность и время, предлагает темпоральный подход к деятельности, в котором он уточняет динамическую парадигму как деятельностно-смысловую, основывая её на темпорально-динамическом понимании. Темпоральность трактуется как основание жизнедеятельности, личности, идентичности и раскрывается посредством понятия конструктивной темпоральной работы и принципов со-отнесения, коммуникативности, смысловой интенциональности, трансформации и др.

Параграф 1.7. «Смысловая модель временной перспективы, её конкретизация и операционализация» посвящён обобщению результатов проведённого анализа, формулировке теоретических оснований работы, постановке проблемы исследования, определению временной перспективы. Констатируется сложившееся в научной литературе противопоставление двух пониманий временной перспективы: как абстрактной временной формы трёх составляющих времени (прошлого, настоящего, будущего) и как распределения жизненных событий в определённой последовательности и длительности. Для

решения этой проблемы за основание интегративного понимания и механизм связи оппозиций принимаются фундаментальные смысловые образования жизненного мира личности, придающие темпоральным феноменам определённую смысловую интенциональность. Основываясь на деятельностно-смысловом подходе, системообразующим фактором временной перспективы личности принимается смысловая интенциональность. Выдвигается основное положение работы: фундаментальные смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуально-специфическую динамику временного опыта личности.

Формулируется рабочее определение временной перспективы. Временная перспектива – это форма существования движения (процессов, изменения, трансформации) жизнедеятельности личности и самой личности, которая конституируется, во-первых, временными направленностями, или ориентирами (направленностью на будущее, направленностью на настоящее, направленностью на прошлое), их внутренним единством, синтезом, который конституируется как исторически протяжённая длительность и текучее целое; во-вторых, интенциональной предметностью (временная перспектива не пустая структура, которая наполняется содержанием) и смысловой природой интенциональной предметности. Иными словами, временная перспектива – это способность личности реконструировать прошлое, актуализировать настоящее и конструировать будущее как временную целостность. В направленности временной перспективы выделяются два плана: с одной стороны, это смысловая интенциональность как фундаментальное основание временной перспективы; с другой стороны, направленность на объекты, т.е. цели и целевые объекты, намерения, мотивационные объекты, события и т.д., в которых фундаментальная направленность конкретизируется.

Вторая глава «Эмпирическое исследование трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации» посвящена изложению результатов эмпирического исследования трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации. В ней приводится описание семи исследований, сгруппированных в пяти параграфах.

В параграфе 2.1. «Смысловая интенциональность и временная перспектива» исследуется влияние смысловой интенциональности на переживание временной длительности. Показывается, что временная перспектива не является абстрактной временной формой или чисто количественной длительностью, а опосредствована смысловыми образованиями личности – смысловой интенциональностью. В качестве операционального критерия принимается ключевая характеристика временной перспективы – длительность, которая является традиционным предметом в релевантных исследованиях. Основной гипотезой является наличие зависимости переживания временной длительности от характера смысловой интенциональности. Частная гипотеза заключается в том, что оценка длительности временного интервала зависит от характера смысловой интенциональности. Смысловая интенциональность в экспериментальной процедуре связана с двумя типами инструкций и тремя типами ситуаций, созданными для проведения эксперимента в одном и том же помещении. Они интерпретируются как жизненные ситуации с точки зрения смысловой интенциональности, а также выражаются в мере свободы и возможности, заключенной в них для осуществления жизнедеятельности личности («потенции ситуации», в терминах К. Левина). Конкурирующей гипотезой является пространственное опосредствование переживания длительности (DeLong, 1981; Bobko, 1986), а также классические подходы к оценке временной длительности (С.Л. Рубинштейн, П. Фресс, Д.Г. Элькин, Б.И. Цуканов). Инструкции задают разную степень свободы действий в трёх экспериментальных ситуациях, то есть также касаются фактора возможности, открывающегося в ситуации деятельности, в которой и выражается смысловая интенциональность.

В эмпирическом исследовании приняли участие 36 человек (от 20 до 32 лет). Экспериментальная процедура заключалась в том, что испытуемые двигались по помещению: 1) в свободном режиме; 2) в пространстве, ограниченном узким коридором; 3) в огороженном пространстве площадью 1 м². Испытуемые проявляли активность в трех различных ситуациях в соответствии с

двумя инструкциями. По инструкции №1, испытуемые сами прерывали активность по истечении минуты (основываясь на собственном переживании длительности). В соответствии с инструкцией №2, активность испытуемого прерывалась экспериментатором по истечении одной минуты без предварительного предупреждения. Испытуемым предлагалось оценить длительность в соответствующей ситуации. После каждой ситуации испытуемые писали самоотчёт, на основе качественного анализа которого оценивались: смысловая интенциональность личности и характер переживания (в том числе, критичности, экстремальности), образная сфера, актуализация прошлого опыта в каждой ситуации и др., которые использовались для содержательного анализа результатов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что происходят изменения в оценке времени в зависимости от ситуации, как при первой, так и при второй инструкции. Для группы с первым типом инструкции переживание длительности минуты увеличивается в зависимости от степени свободы: при ограничении места длительность увеличивается. Существуют значимые различия по критерию Манна-Уитни между первой и второй ситуациями ($p=0,45$), первой и третьей ситуациями ($p=0,059$). При втором типе инструкции испытуемые оценивали временной интервал в первой ситуации (при свободном перемещении) как более длительный. Во второй и третьей ситуациях при ограничении места они оценивали временной интервал как более короткий. Обнаружены также значимые различия между первой и второй ситуациями ($p=0,037$), первой и третьей ситуациями ($p=0,037$).

Обнаружены значимые различия между группами, выполняющими первую и вторую инструкцию по первой ситуации ($p=0,022$). Различия между двумя группами с разными инструкциями по второй и третьей ситуациям присутствуют, однако, не достигают значимого уровня. Результаты подтверждают влияние фактора ограничения возможностей, вносимого типом инструкции, на оценку длительности временного интервала. Это проявляется, скорее, в первой серии, когда активность испытуемого не ограничена местом, но

ограничена временем, задаваемой инструкцией, оказывающей влияние на направленность ситуации (опосредствованной Другим). Смысловая интенциональность связана с мерой потенции, возможностью, заключённой в ситуации, с мерой временной и пространственной свободы. Анализ самоотчётов испытуемых позволил выявить особые переживания, связанные с ограничением места, наблюдающиеся у испытуемых в ходе эксперимента: с одной стороны – паника, тревога, ощущение замкнутости, «нахождения в клетке», вторжение прошлого травматического опыта; а с другой стороны – фантазирование, расслабленность, прилив сил. В наиболее «замкнутой» ситуации состояние испытуемого носит характер критического состояния, являясь аналогом экстремальной ситуации. Полученные данные подтверждают модель смыслового опосредствования оценки переживания длительности, в отличие от пространственного опосредствования, и свидетельствуют в пользу того, что смысловая интенциональность является важной образующей временной перспективы. Специально подчёркивается, что, во-первых, во всех трёх ситуациях не меняются пространственные характеристики помещения, т.е. восприятие помещения; во-вторых, направленность не носит характера решения конкретной задачи. Делается общий вывод: смысловая интенциональность открывает личности определённые возможности осуществления жизнедеятельности.

В параграфе 2.2. «Раздвоение временной перспективы и план её конституирования» излагаются результаты комплексного эмпирического исследования, состоящего из трёх серий, посвященного изучению специфики трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации. Выдвигается предположение о раздвоении временной перспективы и о двух планах её конституирования. При этом, трансформация временной перспективы объясняется не с точки зрения традиционного понимания временной перспективы как деформации (негативное определение), а с точки зрения специфических форм конституирования временной перспективы в связи с формами смысловой интенциональности (позитивное определение). Общая

гипотеза заключается в том, что в экстремальной ситуации конструирование временной перспективы осуществляется не линейно, а на основе двух планов: один план временной перспективы конституируется на основе смысловой интенциональности, заданной L-смысловыми (жизнецентрированными) структурами жизненного мира; а второй план – D-смысловыми (смертоцентрированными) структурами жизненного мира (Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2009).

В *первой серии* изучается раздвоение временной перспективы в экстремальной ситуации и выявляется связь трансформации временной перспективы с фундаментальными смысловыми интенциональностями. Были выдвинуты частные гипотезы: 1) L-смысловая ориентация связана с направленностью на будущее, при D-смысловой ориентации преобладает направленность на прошлое; 2) L-смысловая направленность связана с ориентацией на позитивное прошлое, D-смысловая направленность – с негативным прошлым; 3) при L-смысловой направленности, структура времени (прошлое, настоящее, будущее) характеризуется полнотой, а при D-смысловой – неполнотой и редуцированностью временной структуры. Испытуемыми являлись 91 человек в возрасте от 20 до 39 лет – мужчины, служившие в Афганистане (1983 – 1989). Был использован модифицированный М.Ш. Магомед-Эминовым вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена. На основе контент-анализа и экспертной оценки оценивались фундаментальные смысловые интенциональности и определялись характер, направленность, структура времени во временных ориентациях. В результате контент-анализа выборка была разделена на 2 группы в зависимости от выраженности смысловых ориентаций: испытуемые с L-смысловой ориентацией (64,9%) и испытуемые с D-смысловой ориентацией (35,1%). При сравнении двух групп, разделённых по критерию смысловой ориентации, с временными образами (прошлого, настоящего, будущего) обнаружилось: значимая связь L-смысловой ориентации и образов будущего ($p < 0,001$); и значимая связь D-смысловой ориентации и образов прошлого ($p < 0,004$).

Установлено, что существуют различия между характером временной ориентации при L- и D-смысловой направленности: при L-смысловой направленности частота позитивных оценок прошлого ($p < 0,001$) и будущего ($p < 0,001$) значимо выше, чем негативных; а при D-смысловой направленности наблюдается обратная зависимость – частота негативных оценок прошлого ($p < 0,001$) и настоящего ($p < 0,001$). В отношении негативного будущего в группе с D-смысловой направленностью имеется аналогичная тенденция. Временная перспектива при L-смысловой направленности открывается в более полной структуре временных модусов (прошлое, настоящее, будущее), чем при D-смысловой направленности, характеризующейся редукцией её полной формы к отдельным модусам времени.

Вторая серия эмпирического исследования направлена на изучение влияния выраженности смысловой интенциональности на структуру временной перспективы. Проверялась гипотеза о том, что изменение выраженности смысловой интенциональности меняет структуру временной перспективы. В исследовании приняли участие 113 мужчин в возрасте от 18 до 29 лет – военнослужащие (срочники и контрактники), в том числе с опытом участия в боевых операциях в Чеченской республике. Были использованы следующие методики: вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена и опросник посттравматического роста Р. Тадеша и Л. Колхауна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова. Степень выраженности фундаментальной L-смысловой направленности операционализирована пятью ценностно-смысловыми сферами: 1) отношение к другим; 2) новые возможности; 3) сила личности; 4) духовные изменения; 5) повышение ценности жизни (Магомед-Эминов, 2007).

В исследовании сравнивались две группы: испытуемые с низким индексом посттравматического роста ($N=31$) и испытуемые с высоким индексом посттравматического роста ($N=36$). Установлено, что в группе с высоким индексом посттравматического роста значимо больше выражена ориентация на настоящее, чем в группе с низким индексом ($p < 0,004$). Общий показатель позитивных высказываний о настоящем и будущем значимо выше при высоком

уровне посттравматического роста ($p < 0,001$). Обнаружены значимые различия между ориентацией на прошлое и ориентацией на настоящее ($p < 0,001$) и будущее ($p < 0,001$) в обеих группах. Обнаружены значимые различия двух групп по параметрам: ориентация на настоящее ($p < 0,05$), ориентация на себя ($p < 0,001$), экзистенциальные смыслы ($p < 0,05$), положительные эмоции ($p < 0,05$). По сравнению с результатами первой серии (выборка – ветераны), в данной серии не выявлено значимых различий между группами в ориентации на прошлое. Обсуждается также отсутствие подтверждения гипотезы о полноте и редуцированности временной структуры в зависимости от интенсивности L-смысловой интенциональности, по данным военнослужащих.

В *третьей серии* исследовалась связь смысловой интенциональности с особенностями временной перспективы у людей с повседневным и неповседневным опытом, сравнивались смысловые интенции, темпоральная структура и удалённость временной перспективы у людей в экстремальной и повседневной ситуации, выдвигались следующие гипотезы: 1) существуют различия смысловых интенций у людей в экстремальной и повседневной ситуации; 2) существуют различия в соотношении временных компонентов темпоральной структуры (представленность прошлого, настоящего, будущего) у людей в экстремальной и повседневной ситуации; 3) существуют различия в удалённости временной перспективы будущего у людей в экстремальной и повседневной ситуации. Испытуемыми являлись: 1) участники военных действий в Афганистане ($N=91$); 2) военнослужащие – солдаты-срочники и контрактники перед увольнением в запас ($N=113$); 3) жители мегаполиса – люди в повседневной ситуации ($N=118$) в возрасте от 19 до 30 лет. Высказывания испытуемых были подвергнуты процедуре обработки методом контент-анализа и экспертной оценки. В качестве ключевых категорий рассматривались: L-смысловая направленность и D-смысловая направленность, смысловые интенции: предметные (материальные, вещные) и экзистенциальные (духовные) смыслы. В качестве временной направленности изучались представленность образов прошлого, будущего, настоящего.

Анализ результатов подтверждает обоснованность предлагаемой нами смысловой модели временной перспективы. Выявлены значимые различия смысловой интенциональности между первой группой (ветераны Афганистана), с одной стороны, и военнослужащими в «горячих точках» и людьми в повседневной ситуации, с другой. Так, значимо различается соотношение L- и D-смысловой направленности ($p < 0,05$); экзистенциальных и предметных смыслов (между ветеранами и военнослужащими ($p < 0,001$) и ($p < 0,001$)). Значимых различий по частоте проявления смысловой интенциональности при сравнении выборок военнослужащих и людей в повседневной ситуации не обнаружено. Соотношение темпоральных составляющих (прошлое, будущее) у испытуемых, переживших экстремальную ситуацию (ветеранов), значимо различается с темпоральной структурой людей с повседневным опытом и военнослужащих соответственно ($p < 0,05$): в отличие от более целостной картины темпоральности у людей, имеющих экстремальный опыт (в высказываниях представлено и прошлое, и настоящее, и будущее), в повседневной реальности более характерна ориентация на будущее, в меньшей мере на настоящее, а прошлое практически не представлено. В то же время, в первой группе прошлое, настоящее и будущее представлено более полно, чем во второй и третьей группе, где прошлое редуцировано. Качественный анализ показывает, что смысловая структура у военнослужащих, ожидавших в момент исследования увольнения в запас, сдвинута в сторону повседневной смысловой структуры. Характерное переживание, обнаруживаемое в высказываниях «домой, домой...», свидетельствует о том, что на них действует градиент выхода из ситуации. Таким образом, переживание экстремальности не определяется только фактом присутствия в подобной ситуации.

Частота упоминания «конечности» (в том числе, высказываний о смерти) значимо выше у людей в экстремальной ситуации ($p < 0,05$). Таким образом, временная перспектива в экстремальной ситуации характеризуется, с одной стороны, континуальностью, которая связана с L-смысловыми структурами жизненного мира; с другой стороны – дискретностью, связанной с D-смысловыми структурами жизненного мира.

Данные результаты позволяют утверждать, что за воспроизведением, переживанием опыта находится конструирование временной структуры и конструирование темпорального опыта в работе личности: личность конструирует и реконструирует свой жизненный опыт, а не просто вспоминает его как застывший отпечаток в памяти. Проведенное эмпирическое исследование показало, что временная перспектива в экстремальной ситуации конструируется из двух темпоральных областей жизненного мира личности. Смысловая интенциональность в экстремальной ситуации трансформирует временную перспективу. Временная перспектива конструируется бимодально – как L-смысловая направленность и как D-смысловая направленность. При L-смысловой ориентации человек больше направлен на будущее; напротив, при D-смысловой ориентации минимизирована направленность на будущее, преобладает направленность на прошлое. Люди, которые максимально широко и полно направлены на настоящее, более успешно адаптируются к экстремальной ситуации, более того, у них наблюдается рост личности – посттравматический рост.

В параграфе 2.3. «Интенсивность смысловой направленности и характер временной перспективы», приводится описание эмпирического исследования, выявляющего связь интенсивности фундаментальной смысловой направленности посттравматического роста личности и характера временной перспективы на примере подростков с различным экстремальным опытом. Выборку исследования составили учащиеся 7-9 классов школы г. Москвы (всего – 46, из них юношей – 18, девушек – 27). Использовались следующие методики: метод мотивационной индукции Ж. Нюттена, опросник для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо, опросник посттравматического роста – ОПТР Р. Тадеша и Л. Колхауна, интервью для выявления силы травматического влияния события.

Выявлено, что в группе с высоким посттравматическим ростом, в отличие от группы с низким посттравматическим ростом, наблюдается сбалансированная временная перспектива, сочетающая все три её направления: прошлое

(позитивное), настоящее (гедонистическое) и будущее. Обнаружены, следующие особенности временной перспективы личности в связи с посттравматическим ростом: 1) показатели по шкале «негативное прошлое» выше в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом ($p < 0,005$); 2) по шкале «будущее» показатели ниже в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом ($p < 0,05$); 3) ориентация на будущее положительно связана с общим уровнем посттравматического роста ($p < 0,05$) по критерию Манна-Уитни. Существует зависимость между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой первоначального травматического влияния. Не выявлено значимых различий в ориентации на гедонистическое настоящее у подростков с различной выраженностью посттравматического роста. Выявлены следующие тенденции: при низком посттравматическом росте показатели по шкале «будущее» ниже нормы; существует положительная связь между высоким уровнем по шкале «фаталистическое настоящее» и низким посттравматическим ростом.

Данные об отсутствии связи между силой травматического воздействия и характером временной перспективы согласуются с основной гипотезой исследования о конституирующей роли базисной смысловой направленности личности в организации временной перспективы, а не собственно интенсивности травматического опыта. Существует связь между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой первоначального травматического влияния. Связь сбалансированной временной перспективы с базисными смысловыми ориентациями, выражающимися в посттравматическом росте, можно интерпретировать с точки зрения работы личности по темпоральному связыванию жизненного опыта (Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2009).

В параграфе 2.4. «Конструктивная темпоральная работа личности с опытом и временная перспектива» излагается комплексное эмпирическое исследование, посвященное трансформации характера переживания времени после экстремального опыта и влиянию конструктивной

темпоральной работы с прошлым опытом на характер временной перспективы. В качестве модели такой ситуации служила экспозиция в групповой ситуации стрессовой истории, характер оценки которой был фиксирован в самоотчётах испытуемых. Испытуемые – 107 студентов, из них 68 женщин, 39 мужчин. Наличие или отсутствие прошлого травматического опыта фиксировалось с помощью теста воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); влияние устойчивых временных предпочтений оценивалось опросником для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо, а ситуативное изменение оценки переживания времени – с помощью шкалы переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи. При обнаружении наличия высокого уровня травматического опыта проводилось письменное интервью для выявления характера транзитного периода после выхода из экстремальной ситуации.

Обнаружены значимые различия ($p < 0,05$) в оценке по шкалам переживания времени по параметрам: «неприятное», «ограниченное», «раздробленное», «организованное», «прерывистое», «насыщенное», «скачкообразное». Предъявление ситуации, задающей переживания неповседневности, людям с наличием негативного транзитного периода после экстремального события в жизненном опыте, было связано с оценкой времени как более сжатого, насыщенного, прерывистого, раздробленного, скачкообразного. У людей с наличием позитивного переходного периода после выхода из экстремальной ситуации, которую испытуемые описывают как переломную, радикально поменявшую их жизнь к лучшему, время при актуализации стрессового опыта оценивается как более плавное, «организованное», менее «раздробленное», менее «скачкообразное». По параметрам «сжатия» и «расширения» временной перспективы значимых различий не обнаружено. При этом показано, что у людей с негативной фиксацией на транзитном периоде значимо выше баллы по фактору негативного прошлого, ниже баллы по фактору фаталистического настоящего и довольно низкая представленность фактора будущего ($p < 0,01$). У испытуемых с позитивным транзитным периодом, (с преодоленным

травматическим опытом, самые высокие по выборке баллы представленности будущего и позитивного прошлого. Данные показывают, что временная перспектива расщепляется на два полюса ориентации: позитивное прошлое создает ощущение ценности событий прошлого, прошлых успехов и расширенную перспективу будущего. Негативный период преодоления экстремального опыта задает суженную временную перспективу будущего, ориентацию на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Полученные данные согласуются с гипотезой зависимости сжатия-расширения от смысловой направленности, складывающейся в ходе смысловой работы личности с собственным жизненным опытом.

В параграфе 2.5. «Формы трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации» исследуются важные характеристики временной перспективы: ригидность и лабильность, замедление и ускорение, сжатие и расширение, по поводу которых в литературе нет ни однозначного понимания, ни аргументированного объяснения. Рассматривается их связь с негативными и позитивными модусами, пассивной или активной позиций в совладании с травматическим опытом. Систематизируются формы временной перспективы в экстремальной ситуации. В исследовании приняли участие 186 испытуемых, из них было выделено 52 человека, каждый из которых пережил три травматические ситуации. Использовались методы качественного анализа – структурированное интервью, метод неоконченных предложений, применялся тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова).

В результате, были выделены четыре группы, различающиеся по динамике переживания времени в экстремальной ситуации: 1) ускоренное течение времени; 2) замедленное, остановившееся течение времени; 3) хаотичное течение времени; 4) отсутствие изменений в течении времени. Обнаружены значимые различия между группами 1 и 2 по параметрам «позитивное будущее» ($p < 0,027$), «негативное прошлое» ($p < 0,05$), «позиция в совладании с травматическим опытом» ($p < 0,05$). Группа с переживанием ускоренного течения времени

характеризовалась большей выраженностью позитивного будущего, более низкой ориентацией на негативное прошлое и более высокой направленностью на активные действия по преодолению экстремальной ситуации, по сравнению с группой, которая время в экстремальной ситуации переживала как замедленное. Для группы с переживанием хаотичного течения времени и группы, не регистрировавшей изменений в переживании характера течения времени, значимых различий не обнаружено. Результаты показывают, что наличие активных действий по совладанию с травматическим опытом влияет на динамику переживания времени (вызывая ускорение течения времени) в экстремальной ситуации и на тип временной перспективы (ориентация на позитивное прошлое и позитивное будущее), несмотря на наличие во всех группах негативных переживаний (страха, боли, ненависти, обиды, депрессии, тоски).

В заключении обобщаются результаты исследования, приводятся основные **выводы:**

1. В работе предложена смысловая модель временной перспективы, в которой основополагающим понятием принята смысловая интенциональность. Она определяет интенциональную предметность реконструирования прошлого опыта, актуализации настоящего опыта и конструирования будущего опыта.

2. Временная перспектива конституируется, во-первых, временными направленностями (на прошлое, настоящее и будущее); во-вторых, временной структурой как синтетическим единством временных направленностей; в-третьих, конструктивной темпоральной работой личности по конструированию структуры (формы) временной перспективы; в-четвёртых, континуальной длительностью и сукцессивностью временной структуры; в-пятых, смысловой природой интенциональности.

3. На переживание длительности временной перспективы оказывает специфическое влияние динамика смысловой интенциональности. Зависимость сдвига оценки временной длительности может быть пересмотрена с точки зрения

трансформации смысловой интенциональности, выражающейся в мере возможностей, открывающихся субъекту в жизненной ситуации.

4. Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается, она становится двунаправленной, конституируется на основе двух фундаментальных форм смысловой интенциональности. Временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется со стороны континуальной перспективы (связана с L-смысловыми структурами жизненного мира), и со стороны дискретной перспективы (связана с D-смысловыми структурами жизненного мира).

5. Переживание ускоренного течения времени по сравнению с замедленным течением времени в экстремальной ситуации связано с большей выраженностью позитивного будущего, более низкой ориентацией на негативное прошлое и более высокой направленностью на активные действия по совладанию с травматическим опытом.

6. Соотношение темпоральных составляющих временной перспективы у людей, переживших экстремальный опыт, и темпоральной структуры людей с повседневным опытом парадоксальным образом различается – оно характеризуется большей полнотой, в то время как в повседневности наблюдается редуцированность отдельных модусов.

7. Полученные данные скорее свидетельствуют в пользу смыслового опосредствования временной длительности, нежели в пользу гипотезы об эмпирической относительности пространства и времени, то есть пространственного опосредствования (A.J. DeLong, D.J. Bobko).

8. Результаты исследования подтверждают обоснованность позитивной трактовки конструирования временной перспективы в экстремальной ситуации, оспаривая традиционные представления о деформации, искажении временной перспективы.

9. Высокий уровень посттравматического роста связан с сбалансированностью временной перспективы, ориентацией на позитивное будущее, что говорит о наличии более сложных опосредствованных связей между экстремальным опытом и трансформацией временной перспективы.

Основное содержание диссертационной работы отражено в 23 научных публикациях (общий объем – 17,65 п.л.; авторский вклад – 10.1 п.л.).

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Квасова, О.Г. **Временная перспектива личности в экстремальной ситуации существования / О.Г.Квасова // Вестник РУДН. – М. – 2010. - №4. 2010. – С. 66-72. (0,5 п.л.).**

2. Квасова, О.Г. **Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации / О.Г. Квасова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2011. - №4. - С. 109-117 (0,5 п.л.).**

3. Квасова, О.Г. **К современному состоянию проблемы временной перспективы личности / О.Г. Квасова // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2012. - № 5. - С. 137-141. (0,5 п.л.).**

Научные публикации в других изданиях:

4. Квасова, О.Г. **Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации / О.Г. Квасова, Г.И. Кадук, М.Ш. Магомед-Эминов, А.Т. Филатов // Харьков: Украинский Институт усовершенствования врачей, 1990. – 31 с. (0,42 п.л./1,68 п.л.).**

5. Квасова, О.Г. **Личность в экстремальной стрессовой жизненной ситуации. Общая психология. Сборник программ дисциплин специализации / О.Г. Квасова, М.Ш. Магомед-Эминов, Е.И. Максимов, В.В. Березкина, В.С. Клевцов. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – С. 129-130. (0,02 п.л./0,1 п.л.).**

6. Квасова, О.Г. **Метод экзистенциальной коалиции в кросскультурном диалоге / О.Г. Квасова // Тезисы докладов на Первой Всероссийской конференции по экзистенциальной психологии. – М.: Смысл, 2001. – С. (0,1 п.л.).**

7. Квасова, О.Г. **Психологическая подготовка в Академии психоанализа / О.Г. Квасова // Психология и ее приложения. Том 9, вып.3 / под ред.**

Д.Б. Богоявленской, Т.Ю. Базарова, Е.А. Климова. – М.: АНО «УМО «Инсайт», 2002. – С. 300-302. (0,2 п.л.).

8. Квасова, О.Г. Контртрансферентные реакции у специалиста, оказывающего психологическую помощь // Психологическая помощь / под ред. М.Ш. Магомед-Эминова. – М, изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2004. – С. 34-49 (0,5 п.л.).

9. Квасова, О.Г. Психологическая помощь при психосоматических расстройствах // Тезисы докладов на Всероссийской научно-практической конференции «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики». – Казань: ЗАО «Новое знание», 2004. – С.42-44. (0,2 п.л.).

10. Квасова, О.Г. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации / О.Г. Квасова, Г.И. Кадук, М.Ш. Магомед-Эминов, А.Т. Филатов // Изд. 2-ое / Москва: изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2004. – 240 с. (2 п.л./8 п.л.).

11. Квасова, О.Г. Психологическая помощь при психосоматических расстройствах // Методы психологической помощи. – М.: Изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2006. – С. 29-45. (0,7 п.л.).

12. Квасова, О.Г. Сублиминальные методы работы с психической травмой / М.Ш. Магомед-Эминов, С.В. Есин, О.Г. Квасова // Методы психологической помощи / Под ред. М.Ш. Магомед-Эминова – М.: Изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2006. – С. 42-73. (0,3 п.л./0.8 п.л.).

13. Квасова, О.Г. Проблемы психологической сопротивляемости террористической угрозе // Психология перед вызовом будущего. Материалы международной научной конференции, приуроченной к 40-летию юбилею факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 23-24 ноября 2006 г. – М.: изд-во Московского университета, 2006. – С. 449-451. (0,3 п.л.).

14. Квасова, О.Г. Принципы психологической помощи в психосоматике // Актуальные проблемы прикладной психологии. Материалы Всероссийской

научно-практической конференции 26-28 мая 2006 г. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2006. – С. 116-118. (0,2 п.л.).

15. Квасова, О.Г. Роль временной перспективы в позитивной работе личности с травматическим опытом // Феномен посттравматического роста личности. М.: изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2007. – С. 24-64. (1,6 п.л.).

16. Квасова, О.Г. Проект «Кризисная интервенция»: исследование последствий и психологическая помощь после взрыва / О.Г. Квасова, М.Ш. Магомед-Эминов, Е.В. Баженова, О.О. Савина, И.П. Приходько // Материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». – М. Отпечатано в НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН, 2007. – Т.3. – Ч.1. – С. 101-103 (0,1 п.л./0,5 п.л.).

17. Квасова, О.Г. Дидактический анализ специалистов, оказывающих психологическую помощь // Психология общения: тренинг человечности. Тезисы доклада на Международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А. Петровской 15-17 ноября 2007 г. – М.: Смысл, 2007. – С.178-180 (0,2 п.л.).

18. Квасова, О.Г. Трансформация временной перспективы личности после психической травмы // Конструирование психической травмы. М.: изд-во Психоаналитической Ассоциации, 2008. – С. 49-72. (0,7 п.л.).

19. Квасова, О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях преодоления глобального кризиса. Материалы II Международной научно-практической конференции 11-13 ноября 2010 г. В 3-х тт. Книга 2. – М.: изд-во Московского университета, 2010 – С.125-127 (0,3 п.л.).

20. Квасова, О.Г. Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации // 125 лет Московскому психологическому обществу. В

4-х тт. Т.3. Юбилейный сборник РПО / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская, Ю.П. Зинченко. М.: МАКС Пресс, 2011. – С.109-111 (0,2 п.л.).

21. Kvassova, Olga. Transformation of Time Perspective in Extreme Situation // XII Европейский конгресс по психологии (ЕСР). Стамбул, Турция, 4–8 июля 2011 г. – P.661 (0,1 п.л.).

22. Kvassova, Olga. Time Perspective in Psychic Trauma // XXX Международный конгресс по психологии. Кейптаун, ЮАР, 22–27 июля 2012 г. // Abstracts, published under the auspices of the International Union of Psychological Science (IUPsyS), Psychology Press. – P.773 (0,07 п.л.).

23. Квасова, О.Г. Временная перспектива личности в экстремальной ситуации // Материалы V Съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва, 14–18 февраля 2012 г. Том II. – М.: Российское психологическое общество, 2012. – С. 412-413 (0,4 п.л.).